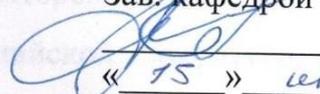

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(ФГБОУ ВО «АмГУ»)

Факультет филологический
Кафедра литературы и мировой художественной культуры
Направление 45.03.01 Филология
Направленность (профиль) образовательной программы: Преподавание фило-
логических дисциплин (русский язык как иностранный и литература)

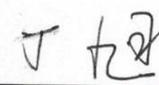
ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
Зав. кафедрой

 А.А. Забияко
« 15 » июня 2019г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему: Образ восприятия Японии и японцев в китайском общественном и лите-
ратурном сознании в 40-50-е г. XX в. (на материале повести Сяо Цзюня «Деревня
в августе»).

Исполнитель
студент группы 597-об1

 08.06.19 Дин Сюй
(подпись, дата)

Руководитель
Профессор д.ф.н.

 08.06.19 А.А. Забияко
(подпись, дата)

Нормоконтроль

 10.06.19 Я.В. Зиненко
(подпись, дата)

Благовещенск 2019

РЕФЕРАТ

Выпускная квалификационная работа содержит 46 с., 23 источников.

КИТАЙ, ЯПОНИЯ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ, ЯПОНСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ, КУЛЬТУРНОЕ СОЗНАНИЕ, ОБРАЗ ВОСПРИЯТИЯ, КИТАЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА, СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

В работе исследуется понятие «образ восприятия» как литературоведческая категория. Основной акцент автором работы делается на анализ образа восприятия Японии и японцев в китайской литературе, в частности в повести СяоЦзюня «Деревня в августе». Исследование образа Японии и японцев в работе дано через историко-культурный контекст взаимоотношений Китая и Японии в XX в.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
1 Образ Японии в китайском общественном и культурном сознании	7
1.1 Исторические и социально-политические условия формирования образов Японии и японцев в китайском общественном и культурном сознании до начала XX в.	7
1.2 Китайско-японские отношения первой половины XX в. в оценке китайских и российских историков	11
1.3 Образ восприятия Японии и японцев в китайской публицистике первой половины XX в.	23
2 Образ восприятия Японии и японцев в китайской литературе (на материале повести СяоЦзюня «Деревня в августе»)	31
2.1 Жизнь и творчество СяоЦзюня в историческом контексте, его роль в становлении китайской литературы новейшего времени	31
2.2 Образ восприятия как литературоведческая категория	33
2.3 Сюжет и композиция повести как выражение авторской концепции	34
2.4 Образы восприятия Японии и японцев в повести «Деревня в августе» и способы их выражения	40
Заключение	44
Библиографический список	45

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования.

История социально-политических взаимоотношений между Японией и Китаем уходит корнями в глубокую древность. Первые записи о передаче народу Ва (так называли древние китайцы японцев) династией Хань золотой печати относится к 57 г. На протяжении долгого исторического развития взаимоотношения двух стран переходили то в сотрудничество, то в соперничество. Военные конфликты между двумя государствами ведутся с X в. Это наложило определенный отпечаток на формирование образа Японии и японцев в культурном сознании китайцев. Существенную роль в его формировании играли китайско-японская культурно-расовая общность, динамичный прогресс Японии и постепенное расширение масштабов японского политического и военного давления на Китай. Например, до конца XIX в. японцы в представлении китайцев были лишь восточными варварами, впитывающими культуру Поднебесной. В начале XX в. эти стереотипы поменялись: Китай гордился победой Японии в русско-японской войне. После 1920-1930 гг. ситуация изменилась: Япония вновь стала восприниматься негативно, как страна, претендующая разрушить независимость Китая. Это было связано с вооруженными захватническими действиями Японии в Маньчжурии и формировании государства Маньчжу-Ди-Го.

История противостояния и сотрудничества двух держав нашла отклик в китайской публицистике и литературе, особенно период оккупации японцами Северо-Востока Китая. Современными литературоведами, особенно теми, кто занимается изучением культуры и литературы русской эмиграции в Китае, изучается процесс формирования образов русских в китайской литературе и образов китайцев в русской литературе, но образ восприятия японцев в китайской литературе первой половины XX в. – тема малоизученная, хотя заслуживающая внимания. Понятие «образ» является одним из ключевых в трудах философов, искусствоведов, психологов, филологов, поскольку эти области знания исследуют особенности человеческого познания, при котором воспринимающее соз-

нение отражает образы окружающего мира.

Очевидцем кровавых событий японской оккупации был китайский писатель Сяо Цзюнь, который предложил организовать Северо-Восточную анти-японскую добровольческую армию. В своей повести «Деревня в августе» он показал стихийный характер народно-освободительной войны в Китае, изобразил единство сил китайского народа.

Новизна исследования определяется тем, что сегодня не существует отдельных литературоведческих работ, посвященных процессу формирования образов Японии и японцев очень мало. Все сведения по данной теме, в основном, исторического характера. В работе предпринята попытка художественного анализа повести китайского писателя Сяо Цзюня в контексте культурной жизни Китая первой половины XX в., поведены параллели с советской литературой, в которой показаны образы трудового народа-массы (повести А. Серафимовича и А. Фадеева).

Объектом исследования является китайская публицистика и литература 30–40 гг. XX в.

Предметом исследования является образ восприятия Японии и японцев в китайской литературе.

Поставленная цель диктует решение следующих задач:

- изучить исторические и социально-политические условия формирования образов Японии и японцев в китайском общественном и культурном сознании до начала XX в.;

- изучить китайско-японские отношения в первой половине XX в.;

- составить обзор российских и китайских научных исследований по теме работы;

- исследовать образ восприятия Японии и японцев в китайской публицистике первой половины XX в.;

- исследовать образ восприятия Японии и японцев в китайской повести Сяо Цзюня «Деревня в августе».

Теоретическая база исследования.

Исторические предпосылки формирования образа Японии и японцев нами изучены с опорой на труды зарубежных историков. Это работы Мин Вань и Н. Сванстона, М. Яхунда, Д. Тэуфел-Дрейера, Р. Бенедикт и др.

Изучение системы политических и общественных отношений между Китаем и Японией основывалось на работах Т. Хаттори, Н. Нозикова, П. Олендера.

Проблема формирования устойчивых стереотипов китайско-японского взаимовосприятия изучалась с опорой на труды российских востоковедов - З.Д. Катковой и Ю.В. Чудодеева, а также на исторические исследования Н.И. Конрада, В.В. Малявина, Ю.Д. Кузнецова, А.В. Меликсетова, Л.С. Васильева, Сю Лузянина и др.

Понятия «Художественный образ», «образ восприятия» изучены на основе работ Ю. Лотмана, В. Жирмунского, В. Гиршмана и др.

Методологическая база исследования.

Для решения поставленных задач в данной работе мы используем сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, биографический методы, а также метод целостного анализа художественного текста.

Материалом исследования послужила повесть СяоЦзюня «Деревня в августе», а также китайская периодика первой половины XX в.

Положения, выносимые на защиту:

- отношения Китая и Японии имеют исторически весьма сложный и противоречивый характер. С одной стороны – Китай оказал значительное культурное влияние на Японию (особенно это касается архитектуры, философии, религии и письменности), с другой стороны – Япония порой совсем не дружелюбно относилась к Китаю и рассматривала Поднебесную как отсталую страну;

- различия между культурами Китая и Японии можно проследить на основе сопоставления разного рода исторических и географических факторов. У китайских ученых существует представления о том, что существует некое «внутреннее культурное ядро» определенного региона (в данном случае Восточной Азии) и его «внешняя оболочка». Китай – это «первородная культура

внутреннего ядра», а Япония – «дочерняя культура внешней оболочки». Это, однако, не означает, что правомерно рассматривать японскую культуру в качестве какого-то провинциального варианта китайской культуры. Дело в том, что любые культуры существуют в процессе непрерывной циркуляции, и «первородная», попав однажды на чужую почву, естественным образом изменяется сама;

- на изображение образов народных масс в повести СяоЦзюня «Деревня в августе» наложила отпечаток советская литература. Можно провести типологические схождения между произведением СяоЦзюня и повестями А. Серафимовича и А. Фадеева;

- повесть СяоЦзюня «Деревня в августе» имеет черты военной повести, однако автор не останавливается на изображении только одних военных событий, его задача – отразить образ японцев и образ китайского народа в момент их противостояния.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы в спецсеминарах и спецкурсах, посвященных китайской литературе XX в.

Структура работы.

Работа состоит из содержания, введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

1 ОБРАЗ ЯПОНИИ В КИТАЙСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ И КУЛЬТУРНОМ СОЗНАНИИ

1.1 Исторические и социально-политические условия формирования образов Японии и японцев в китайском общественном и культурном сознании до начала XX в.

История Китая и Японии является собой разные по характеру, целям, методам периоды сотрудничества, конфликтных этапов, конкурентных обострений. Сотрудничество зачастую переходило в соперничество. Однако усиление взаимозависимости двух государств заставляет Пекин и Токио и сегодня учитывать это в политических, экономических, культурных контактах. Знакомство стран начинается с 57 года. В это время китайцы делают записи в своих исторических текстах о передаче императором династии Поздняя Хань народу Ва (так называли японцев) золотой печати. Прибытие послов страны На с данью в Китай говорит о зависимости пока небольшой страны от китайских правителей.

Согласно легенде, первый китайский император Цинь Шихуанди снаряжает китайцев в Японию с целью поиска снадобья бессмертия. Посланники поведали о многих традициях родственной, как заявили японцы, нации (ими было объявлено родство с потомками у Тайбо - вана государства во времена Сражающихся царств). Особые, тесные контакты двух стран происходили при правлении династии Тан. Япония направила для обучения в Китай немалое количество учеников. Китайцы дружелюбно встретили их. Те, в свою очередь, были поражены красотой, величием достопримечательностей Китая. Тесное сотрудничество вылилось в распространение среди населения Японии Буддизма, культуры, традиций Поднебесной (китайское исчисление по лунному календарю, Китайский новый год и т. д.), копирование архитектурных построек, городского проектирования. Например, столицы Японии и Китая были построены по правилам Фэн-шуй. В обиход японцев входит пользование китайскими палочками. Китайские иероглифы стали основой для письменности японцев. Однако

модель императорского правления Китая в Японском государстве продолжалась недолго¹.

Уже с X века устанавливается власть кланов, фамильная конкуренция среди японской элиты. Первый вооруженный конфликт произошел в 663 году на реке Пэккан. В ней участвовали армия китайского императора Тана и государства Силла с одной стороны и войска государства Ямато (Японии) и корейской страны Пэкче с другой стороны. Силла преследовало определенные цели: захват Пэкче. Разгром трехсот кораблей Ямато приблизил падение Пэкче. Этот исторический факт на некоторое время отделил Японию от Китая, ей пришлось отшлифовывать флотское мастерство, кораблестроение. Острова Рюкю стали перевалочным звеном в торговле между странами. Начиная с 1633 года коммерческие сделки с Китаем ограничены сёгуном Токугава, что не особо заботило императорский двор Китая в Запретном городе. Торговые отношения между Японией и Китаем возобновились только в 20 веке. В 13 веке Японию разрывало от гражданских войн. В это время начинают свое победное шествие японские пираты. Они стали серьезной проблемой для Кореи и Китая. Хубилай, китайский император из монгольской династии Юань, отправляет послов в Японию с целью остановить набеги пиратов. Но один из посыльных обезглавлен японским правительством. Император не мог стерпеть такого унижения, он вторгается в Японию морским путем. Многовековой опыт мореплавания не принес победу Хубилаю.

Нашествие на Японию было неудачным. Тоётоми Хидэёси, один из тех, кто объединил Японию, мечтал о завоевании Китая. Но препятствием стала Корея, не разрешившая японским войскам пересечь ее границы. Начался еще один военный конфликт между Японией и Китаем. В 1592 году в Пхеньяне армия китайцев была побеждена. Через год в великом китайском сражении подруко-

¹Япония и Китай в культурно-компаративистских исследованиях китайских ученых [Электронный ресурс] http://national-mentalities.ru/east/vostochnaya_i_yugovostochnaya_aziya/yaponiya_v_sravnitelnyh_sociokulturnyh_issledovaniyah_referativnyj_sbornik/yaponiya_i_kitaj_v_kulturnokomparativistskih_issledovaniyah_kitajskih_uchenyh/ (дата обращения)

водством Ли Жусуна сорокапятитысячная армия вытеснила японцев, захватив Пхеньян. Контрнаступление Японии было безуспешным, они отступили. Четыре года перемирия, титул "Короля Японии" не успокоили Хидэеси, он проводит еще одну кампанию. Итогом ее стали разрушения корейских городов, культуры, истребление населения, опустошение казны Китая. Политика замкнутости до середины 19 века была доминантной в Японии. События последующих веков увеличивали трещину в отношениях двух держав².

Для начала хочется сказать, что Японии склонна восприимчивость ко всему новому, в отличие от Китая, который был самодостаточен, а самодостаточность и замкнутость народа на себя породила китаецентризм, который трансформировался в антифоринизм, ставший причиной отчужденности Китая от запада до начала XIX века. Китайцы просто не верили в то, что у варваров, обитателей Запада, можно чему-нибудь научиться. Именно эта типологическая разница двух культур и сыграла, пожалуй, решающую роль в пути их развития. Что же происходило с Японией.

С середины первого тысячелетия развивается частно-феодалная тенденция, отчасти она была позаимствована из Китая, но претерпела очень сильные изменения. Уже к XI веку частно-феодалные тенденции развития начинают преобладать, и японский феодализм начинает быстро развиваться и постепенно приближается к европейскому типу феодального устройства. Частично эти преобразования можно списать на тогдашний госаппарат Японии и ее общественную организацию. Например, в Китае и общественная организация и госаппарат поддерживались благодаря этическим нормам, а в Японии уже существовали правовые нормы, на которых и базировались эти формы цивилизации.

Таким образом, образ Японии в глазах Китая складывался в процессе длительной эволюции сложных отношений двух стран и отличался весьма неоднозначным и более противоречивым характером по сравнению с его японским аналогом. Существенную роль в его формировании играли китайско-

²Навлицкая, Г.Б. История Японии. М., — 2016. — С.187.

японская культурно-расовая общность, динамичный прогресс Японии и постепенное расширение масштабов японского политического и военного давления на Китай³.

Восприятие китайцев как продукта конфуцианской культуры не было свободно от проявления особого рода великодержавия и ксенофобии. Так, традиционный подход к Японии со стороны китайской феодально-консервативной элиты характеризовался отношением к ней как к «варварскому» социуму, который, заимствовав китайские культурные ценности, на определенном этапе искал их в погоне за атрибутами западной цивилизации.

Наряду с традиционно консервативным подходом получил развитие новый взгляд на Японию, характерный для представителей прогрессивных общественных сил Китая. Для многих представителей прогрессивной китайской интеллигенции Япония эпохи Мэйдзи явилась образцом прогресса, быстрой и динамичной модернизации социально-экономической и политической систем, своего рода феноменом превращения из отсталой и зависимой азиатской страны в сильное и процветающее государство. Данное восприятие было основано в значительной степени на эмоциональном отношении к стране «Восходящего солнца», на субъективном понимании характера культурно-исторических традиций и межгосударственных связей с акцентом на расовой и культурной общности китайского и японского народов, то есть неизменно окрашивалось в националистические тона. В рамках такого подхода Япония воспринималась равно и как агрессивная, милитаристская держава, угрожающая китайской государственности, но и как «надежда Азии», как страна, бросившая вызов колонизаторам белой расы и заставившая их уважительно относиться к азиатским народам. В частности, в суньятсеновской доктрине паназиатизма решающее значение отводилось сотрудничеству Китая и Японии — «наций одной расы и одной культуры», подчеркивался особый характер отношений, связывающий

³Навлицкая Г.Б. История Японии. М., — 2016. — С.113.

судьбы двух стран⁴.

До последней четверти XIX века японцы в представлении обитателей Среднего государства были лишь восточными варварами, впитывающими мудрость Поднебесной: письменность, религию, архитектуру. Однако потом ситуация изменилась: в то время как Китай проигрывал европейцам войну за войной, все больше замыкаясь в изоляции, Япония вестернизировалась и заимствовала достижения европейской цивилизации. Японо-китайская война 1894-1895 годов закончилась унижительным поражением Поднебесной.

После этого страны полностью поменялись ролями, и уже китайские интеллектуалы, включая будущего «отца нации» Сунь Ятсена, отправлялись в Японию учиться. Созданная в Токио организация «Тунмэнхой» стала движущей силой Синьхайской революции 1912 года. Однако вскоре в Китае началась анархия и гражданская война, и в 1931 году японцы почти без сопротивления захватили Маньчжурию, создав там марионеточное государство Маньчжоу-го⁵.

Таким образом, можно отметить, что отношения Китая и Японии имеют исторически весьма сложный и противоречивый характер. С одной стороны — Китай оказал значительное культурное влияние на Японию (особенно это касается архитектуры, философии, религии и письменности), с другой стороны — Япония порой совсем не дружелюбно относилась к Китаю и рассматривала Поднебесную как отсталую страну.

Япония в свое время отвернулась от Китая и пошла своим путем. Но какие же были различия между Китаем и Японией, что послужило толчком к таким разным путям развития этих стран и народов.

1.2 Китайско-японские отношения первой половины XX в. в оценке китайских и российских историков

ЛюДанянь⁶ говорил: 12 ноября 1937 года японские вторгающиеся войска

⁴Навлицкая, Г.Б. История Японии М., 2016. — С.114.

⁵Владимирова Д.А. Япония и Китай: межкультурный диалог. — С.28.

⁶Лю Данянь, Лю Данянь. (Август 1915 года- 1999 год), место рождения: уезд Хуажун провинции Хунань, историк. . — С.45

захватили Шанхай. Три месяца назад до этого, японская войска и китайская войска развернули на берегу Хуанпуцзян великую битву жизни или смерти. В этой битве китайская войска пали более 250 тысяч человек, японская войска пали более 80 тысяч человек. Настоящая битва очень жёсткая, в конце концов, японская войска одержала победу.

Спустя месяц после битвы "Второе Шанхайское сражение, битва при Шанхае и реке Сучжоухэ", японская войска победоносно двигалась вперёд, и разделяет на три направления, направилась в ту столицу Китая – Нанкин, 13 декабря 1937 года вошла в город Нанкин. Японские войска, захватившие город, на протяжении следующих нескольких недель, жестоко истребляли более 300,000 китайских солдат и обычных городских населений, которые уже сложили оружие. На сердце китайцев и в истории китайской нации остались раневые боли трудного застания.

Ах, как же мои страдальческие 300 тысяч сограждане, отрубить голову, резать горло, сильно разрушать, даже голова и тело в разных местах – быть обезглавленным и смерть. Это какая трагическая и жестокая сцена!

У меня нет другого выбора - только касаться слова «Нанкинская резня», сердца всех добрых людей, не могут быть успокоены. 300 тысяч человек! 300 000 человек скорбели, не стоит ли очнуться в миролюбивом государстве, и народ, который вторгнулся в другие страны, откупаться от наказания, и солнечный весь мир осознал серьезность этой проблемы?⁷

На протяжении XX века происходит резкое изменение стереотипов взаимовосприятия Японии и Китая, на что непосредственное влияние оказывала международная обстановка. Так к началу XX в. Китай благодарен и гордится Японией за то, что последняя, якобы, защищала интересы первой, в русско-японской войне и одержала в ней победу. Китай в это время считает Японию собратом, хотя на самом деле японцы проводили политику «паназиатизма» с

⁷«Газета освобождение». Главное ответственное лицо: Отдел издания «Газета освобождение». Издательство:«Газета освобождение Яньань» Дата публикации:1938 года.

цель превращения Китая в объект колониальной экспансии. В последующем, в результате активной экспансионистской политики Японии в Китае, отношение к японцам сменяется ненавистью, и теперь Япония рассматривается как главный враг Китая. Японцы же продолжают относиться к китайцам с чувством превосходства, и продолжают двигаться в направлении лишения Китая самостоятельности. Такие взгляды двух народов будут сохраняться всю первую половину XX века, и лишь к концу сороковых годов, во взглядах Японии появится уважение к борьбе Китая за свою самостоятельность. Отношения между странами нормализуются, приобретают дружественный характер с временными незначительными разногласиями.

Специальных работ, полностью посвященных проблеме формирования образа Японии в сознании китайцев, не много, большая часть сведений по данной проблеме встречается в исследованиях, посвященных китайско-японским взаимоотношениям.

И в основном они проведены были зарубежными специалистами. В этой связи должны быть упомянуты работы Мин Вань, посвященная эволюции и логике японо-китайских отношений, и Николас Сванстон, характеризующая систему китайско-японских отношений на современном этапе. Но в ней приводится анализ китайско-японских отношений через призму исторического прошлого, которое, как известно, самым непосредственным образом сказывается на взаимном образе стран. В труде Махаэль Яхунда, анализируются китайско-японские отношения после «холодной войны», в нем прекрасно освещены роли лидеров обеих стран в формировании межгосударственных отношений, а также, процесс складывания новой государственной идеологии и реабилитации национального самосознания после пережитых исторических травм. Стоит отметить и работу Джун Тэуфел Дрейер, в которой китайско- японские отношения рассматриваются через призму их истории.

Однако, работ рассматривающих всю систему китайско-японских отношений, тоже очень немного. Чаще всего монографии касаются только одного исторического периода или события, и освещают позицию только одной стра-

ны, как, например, работы Такусиро Хаттори, посвященная роли Японии в войне 1941-1945 гг., Н.Г.Нозикова, рассказывающая о японокитайской войне 1894-1895 гг., Петр Олендер, которая по большей части сосредоточена на рассмотрении морских сражений войны 1894 - 1895 гг..

Проблема формирования устойчивых стереотипов китайско-японского взаимовосприятия в российском востоковедении была впервые предпринята в 1995 году, когда в свет вышла совместная работа З.Д. Катковой и Ю.В. Чудодеева «Китай Япония: любовь или ненависть». Авторы поэтапно раскрывают основные черты и вехи в эволюции формирования стереотипов китайско-японского взаимовосприятия. В работе представлен развернутый анализ исторических причин зарождения и изменения стереотипов в массовом сознании народов двух стран.

Однако невозможно рассмотреть только лишь образы стран в сознании народов государств-партнеров, необходимо обратиться так же и к историческим факторам их формирования, и к политическим причинам их появления. Стереотипы не существуют отдельно от сознания народа и политического пространства, в котором это сознание существует. Политическим пространством в данном случае являются китайско-японские взаимоотношения.

Национальные стереотипы наиболее системно рассматривает такая наука как политическая психология. Представители этой науки рассматривают механизмы политического поведения человека, а стереотипы оказывают серьезное влияние на мнение человека, и в итоге на логику его поведения.

Различные аспекты отношений между Китаем и Японией освещаются в современной литературе такими авторами как: Сергей Лузянин - профессор МГИМО доктор исторических наук, Дмитрий Стрельцов - профессор МГИМО доктор исторических наук и многими другими представителями российской востоковедческой среды. Статьи и очерки этих ученых отличаются высокой скоростью реакции на изменения современной политической ситуации. А историческая подоплека взаимоотношений освещается в трудах многих историков, как, на-

пример: Н.И. Конрада, В.В. Малявина, Ю.Д. Кузнецова, А.В. Меликсетова, Л.С. Васильева и многих других.

Так же стоит отметить периодические научные издания, реагирующие на изменения международной ситуации гораздо острее и быстрее, чем отдельные авторы: «Проблемы Дальнего Востока» - научный журнал Института Дальнего Востока Российской академии наук. «Азия и Африка сегодня» – это ежемесячный научный журнал. Журнал «Китай» выпускается издательством «ЖэньминьХуабао» под руководством Китайского международного объединения издательств.

И многие другие издания. В западной литературе можно выделить следующие работы – перевод китайской документации по Нанкинской резне, эпизоду оказавшему существенное влияние на изменение образа японцев в массовом сознании китайцев, выполненный доктором исторических наук Робертом Греем, работа Шелдона Харриса, касающаяся японских исследовательских групп, разрабатывавшая биологическое оружие, действовавшая на оккупированной китайской территории, монография Ван Дженпин, посвященная отношениям между Китаем и Японией в периоды Хань и Тан и много работ об отношениях Японии и Китая на современном этапе, выполненные как отдельными авторами, например: Михаэль Хизл, Дзин Сунь.

Наиболее полезными для нас в итоге оказались уже упоминавшийся труды Ю.В. Чудодеева и З. Д. Катковой, а также монография М.И. Сладковского, в которой проводится поэтапное сравнение двух стран в течении их исторического развития, что позволило, на основании фундаментальных исследований этих авторов, сделать выводы о значимости отдельных исторических событий и периодов для формирования целостного образа Японии в сознании китайцев.

В работах китайских исследователей, посвященных кросскультурным сравнениям Японии и Китая, особое внимание уделяется проблемам культурной предопределенности сделанного ими в новое время социального выбора. Культура – это исторически сложившаяся устойчивая система разнообразных элементов, в которой важное место принадлежит общности языка, духовного

склада, обычаев, привычек народа, создавшего ее. Когда в новую систему проникают элементы чужеземной культуры, они непременно «перемалываются» в соответствии с присущими ей принципами и требованиями.

С точки зрения научного сотрудника Хуадунского педагогического университета (Шанхай) ЧэнБанхэ (ЧэнБанхэ, 1988), истоки различий между культурами Китая и Японии можно проследить на основе сопоставления разного рода исторических и географических факторов. Если согласиться, пишет он, с распространенным среди китайских ученых представлением о том, что существует некое «внутреннее культурное ядро» определенного региона (в данном случае Восточной Азии) и его «внешняя оболочка», то огромную разницу в характере культурных традиций обеих стран следует связать с тем, что Китай – это «первородная культура внутреннего ядра», а Япония – «дочерняя культура внешней оболочки». Автор приводит «биологическое» сравнение между мандарином и апельсином, которые относятся к цитрусовым, однако «апельсин – это подвид мандарина». Это, однако, не означает, что правомерно рассматривать японскую культуру в качестве какого-то провинциального варианта китайской культуры. Дело в том, что любые культуры существуют в процессе непрерывной циркуляции, и «первородная», попав однажды на чужую почву, естественным образом изменяется сама. В Японии заимствованные элементы китайской культуры творчески перерабатывались и органически включались в ее культуру, которая только приобретала еще большую самобытность. По словам исследователя, возникал «эффект двустороннего зеркала».

«Первородная, исходная» культура, как правило, дольше сохраняет консервативные традиции, а «дочерняя, трансформирующаяся» отличается большей мобильностью.

Основные различия в культурах двух стран концентрируются в ряде составляющих их элементов, которые автор представляет в виде трех оппозиций⁸.

«Ли» (ритуал, правила, этикет) – «чи» (стыд).

⁸ Владимирова Д.А. Япония и Китай: межкультурный диалог. Шанхай: Жэньминьчубаньшэ. – С. 4.

Американская исследовательница Рут Бенедикт впервые ввела в научный оборот понятия «культура вины» и «культура стыда» в применении соответственно к западной и японской. Вопрос о том, какой «культурный элемент» в японском обществе несет функцию контроля, разрешается ею в пользу «сознания стыда». Японская культура делает особый акцент на сохранении «душевного спокойствия перед небесными духами» и чистой совести. В ней четко просматривается тесная связь между категорией «стыда» («чи») и присущим японцам «религиозно-мистическим сознанием» («шэньдао»—«божественный путь»). «Стыд» проявляется также в форме страха перед общественным мнением и придании ему большого значения. «Сознание стыда», по всей вероятности, связано и с получившим широкое распространение в Японии обычаем самоубийства, поощрявшимся как выражение раскаяния за совершенное злодеяние. В отличие от японской культуры «стыда», в китайской традиционной культуре все строилось на соблюдении ритуала («ли»). В принципе правила диктовали все: не только поведение на людях и церемонии общения друг с другом, но и отношения людей в семье, формы выражения мысли, даже строй фразы, произнесенной в той или иной ситуации, заранее регламентировались и достаточно четко обуславливались. Если остро развитая у японцев чувствительность к «стыду» и придание ему большого значения издавна поддерживали гармонию в японском обществе, то культура «ли» в течение длительного времени гарантировала стабильность в китайском обществе. Конфуцианский «порядок» на основе соблюдения «ли» играл огромную роль как средство организации социума.

Таким образом, предписания «ли» регулировали поведение людей соответственно положению в социальной иерархии, их общественные обязанности. Законы государственного управления также воспринимались в значении выработанных самой жизнью общезначимых общественных норм. «Ли» рассматрива-

лись как регуляторы всей человеческой деятельности.

Китайская культура «ритуала» и японская культура «стыда» имеют существенные отличия. Само по себе понятие «ли» отчетливо передает содержание системы феодальных порядков. Оно включает различные общественные слои – от правителя в качестве главного субъекта, который должен осуществлять принцип «ли», до его подданных⁹.

Каждый член общества должен соблюдать соответствующие его месту в иерархии ритуалы, это означало, что он ни при каких обстоятельствах не должен переходить границы четко очерченных рамок ни в экономическом, ни в политическом отношении. Таким образом, культура «ли» – это классический тип культуры «внешних ограничений» («вайчжиюэсин»). Согласно Конфуцию, все отношения в обществе должны строго регулироваться определенными нормами, призванными обеспечить неукоснительное подчинение младших старшим и подданных государю. В связи с этим человек в своем поведении в обществе должен всегда руководствоваться сложным комплексом различных правил, сконцентрированных в принципах «ли». Эти правила – отражение этических норм патриархального общества, в котором отношения между государем и подданными уподобляются отношениям в гармоничной семье. С помощью «ли» можно без какой бы то ни было «посреднической силы» задушить (подавить) любые «отклонения» в поведении. На еретика, вознамерившегося нарушить установленные предписания, обрушивалась вся власть абсолютизма, и поэтому такого рода отступничество не могло сколько-нибудь серьезно поколебать эту традиционную систему. Непререкаемость исполнения, предписаний обеспечивается принуждением, поэтому совершенно очевидно, что культура «ли» носит типично феодально-абсолютистский характер.

В отличие от китайской категории «ли» в понятии «стыд» («чи») конкретные следы феодальной идеологии ясно не прослеживаются. Если «ли» обо-

⁹ Японо-китайские отношения [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://japonia.ru/info/new_window.php?id=1496 (дата обращения: 27.04.2019).

значает некую деятельность, то смысловое содержание «чи» выражает чувство. В «ли» сконцентрирована реальная идеологическая сущность феодальной системы общественных отношений, а «чи» передает состояние духа, настроение, переживание, собственный опыт, содержит определенную тайну. Какое-либо принуждение извне в японской культуре будто скрыто легкой завесой, и если оно есть, то завуалировано, поскольку «стыд» («чи») выполняет посредническую функцию в деле достижения контроля над обществом. В Японии культурные ценности «понимания стыда» и «сознания вины», глубоко внедрившись в подсознание, стали той нравственной основой, на базе которой осуществляется общественный самоконтроль и формируется культура «внутренних ограничений» (нэйчжиюэсин). В китайском обществе при господстве патриархальных порядков особенно высоко почитали «ли». Так как в древнем Китае вся жизнь человека проходила в патриархальной семье, для поддержания в обществе спокойствия упор делался на этических нормах «почитания императора» и «сыновней почтительности». Японское общество нельзя назвать строго патриархальным, в нем не было социальной базы для внедрения чего-то, подобного «ли». Китайскую культуру можно отнести к автократическому типу, а японскую – полуавтократическому.

«Сяо» (покорность и почитание родителей) – «чжун» (лояльность, преданность).

Обычно, рассуждая о китайской культуре, исследователи ставят эти два понятия рядом, хотя между ними есть различия. «Сяо» – это китайская культура, а «чжун» – японская, существующая как дочерняя, измененная форма традиционной культуры Китая. «Сяо» означает подчинение старшему, почитание родителей. Используя современную терминологию, это пожизненное безоговорочное служение родителям и старшим по возрасту. В расширительном толковании все, что относится к почитанию старших, называется «сяо», поэтому у некоторых сложилось впечатление, что это слово означает «подчинение братьям». В китайской культуре «сяо» занимает важное место, поэтому в древности

при отборе и выдвижении чиновников на должности в большей мере руководствовались этим критерием, чем талантами и способностями¹⁰.

«Сяо» рано стало известно в Японии. Уже в 757 г. был издан императорский указ, предписывавший изучение и соблюдение «сяо» и других добродетелей согласно классическому конфуцианству канону «в императорском дворе и в народе, в столице и в провинции».

В Японии среди основных элементов конфуцианской культуры («чжун», «сяо», «ли», «и» и др.) особо выделялась категория «чжун», которая в соединении с другой ранее упоминавшейся категорией «чи» (стыд) сыграла важную роль в японской культуре. «Верность коллективу», внимание к человеческим отношениям, вера в справедливость, чувство вины, стыд, стремление ни в коем случае не беспокоить людей, никого не обременять своими заботами, деликатность в отношении других. Все эти качества аккумулировались в народе веками. Можно с уверенностью заключить, что «лояльность» – это в действительности типичная черта традиционной японской культуры. Она включает «верность отцу», «верность императору», коллективу и многое другое. Традиционный принцип японской «лояльности» – «один слуга не служит двум господам». Свою силу он не утратил и в наши дни.

Самый важный для японца объект преданности – это его группа. В Японии люди от рождения до смерти стремятся служить изо всех сил и от всей души этому неизменному принципу.

Доцент фуданьского университета ЧэньЦзисинь (ЧэньЦзисинь, 1989) пишет, что психология групповой преданности и определенная мотивация поведения каждого члена группы, характерные для японцев, похожи на функционирование таких «биологических коллективов» (пчелы, муравьи и т.п.), в которых предопределена жертвенность отдельной особи ради сохранения общности. Конечно, сильный упор на идеи «групповой преданности», естественно, ущемляет в какой-то мере свободу отдельной личности.

¹⁰ Владимирова Д.А. Япония и Китай: межкультурный диалог. Шанхай : Жэньминьчубаньшэ. – С. 44.

Безраздельная преданность своей компании часто оборачивается полным подавлением индивидуальных интересов работника. Он целиком втянут в дела фирмы и подчинен им. Все сослуживцы в курсе его дел – практически нет никаких личных секретов; если на рабочем столе не лежит семейная фотография, то другие будут смотреть на него с подозрением. Благодаря установленному неусыпному контролю за человеком у него с малых лет постепенно формируется привычка к тому, что все лучшее должно быть отдано коллективу и интересы его выше личных. «Индивидуализм считается порочным лжеучением, и поэтому японцы, представляясь, вместо того, чтобы назвать себя по имени и фамилии, сообщают должность и место работы».

Очевидно, что идеология «чжун» (преданность) в действительности является разновидностью идеи коллективистской, которая несовместима с индивидуализмом. Эта идеология распространилась и укрепилась в народе за счет пожертвования личной свободой человека. Сила этой коллективистской идеи позволила Японии превратить каждого работника в «самурая XX в», действующего точно и энергично в соответствии с поставленной целью, что обусловило, в конечном счете, столь поразительный экономический взлет Японии.

Конечно, в Китае такая черта, как «преданность группе», тоже в чести, однако в прошлом для китайца в слове «чжун» всегда был подтекст – «верность императору, господину». Тот широкий смысл, который придавался концепции «преданности группе» в Японии, вовсе не популяризировался в традиционной китайской культуре. «Преданность господину» («чжун») и «почитание родителей» («сяо») были неразделимы, но идея «сяо» глубоко укоренилась в умах китайцев, а «чжун» не удалось пустить столь глубоких корней.

В Китае «чжун» периодически подвергалась критике со стороны интеллектуалов, а установка «сяо» (почитание родителей) всегда находила безоговорочную поддержку и по сравнению с «чжун» имела более крепкую социальную базу.

«И» (справедливость) – «и лихэи» (и справедливость, и выгода).

В древнем Китае, в классическом аграрном обществе политика определялась формулой «ценить крестьян, прижимать торговцев», и так продолжалось больше тысячи лет. В китайском феодальном обществе правящий класс считал, что коммерция «приносит неисчислимый вред стране и народу», поэтому сельскому хозяйству руководство страны уделяло основное внимание, а первенство коммерции почиталось губительным. Политика «ценить крестьян, прижимать торговцев» превратилась в основную государственную политику, которая строго соблюдалась и была неизменной в годы правления многих династий. Конечно, этот принцип первоначально был в основе экономической политики феодального Китая, но позже глубоко внедрился в теорию, сформировав феодальное представление о долге и выгоде. Конфуций раньше других дал морально-этическое выражение его. Хотя он изредка и говорил, что «исполнение долга приносит пользу», однако в основном проповедовал, что «благородный муж знает только долг, низкий человек знает только выгоду»¹¹.

Нельзя отрицать, что, хотя представления о долге и выгоде в древнем Китае опирались на экономическую политику «крепить корень, давить верхушку» и «ценить крестьян, прижимать торговцев», ее смысл не ограничивался деятельностью по подавлению коммерческой активности. Главное состояло в том, что наперекор здравому смыслу отрицалась необходимость развития промышленности и торговли, и все, что олицетворяло «дух коммерции и выгоды», представлялось аморальным¹².

Господствовавшие в древнем Китае представления о долге и выгоде включают, во-первых, требование экономного расходования средств, неприятие оборота денег; во-вторых, призыв смириться с бедностью, радоваться истине, презирать стремление к выгоде; в-третьих, стремление к «золотой середине», к умеренности, воспитание чувства отвращения к конкуренции. Каждому типу производства непременно соответствует определенная идеологическая модель. Мир восточного сельского хозяйства, сформировал «культуру долга». Напро-

¹¹ Владимирова Д.А. Япония и Китай: межкультурный диалог. – С. 34.

¹² Голев М.А., Катин И.В., Машинина Е.В. Японо-китайские отношения. – С. 37.

тив, в западных обществах уже в средние века была сильно развита товарная экономика, «коммерческий дух», которые породили «культуру выгоды». Там для этого, в отличие от Китая, была «культурная почва». Японское общество существовало в окружении восточной аграрной культуры, что предопределило особый характер его культуры. Однако, поскольку Япония находилась не во «внутреннем ядре», а на «внешней оболочке» культурного региона, идеология «культуры долга» была здесь значительно ослаблена.

«Культура долга» в Японии изменилась и практически была сведена на нет, что обусловлено также и социальными причинами, в частности, инициативностью и активностью торговцев. Кроме того, Япония пошла по пути заимствования западной культуры, благодаря чему она превратилась в современное государство¹³.

Китай в силу своеобразия своей культуры, построенной на господстве закоснелой конфуцианской догмы и консервативного аграрного строя, с огромным трудом воспринимал элементы западной культуры, в особенности связанные с капиталистическими идеями. Япония, пройдя «подготовительную школу коммерции», органично впитала влияние Запада, не потеряв ни на йоту своей самобытности.

1.3 Образ восприятия Японии и японцев в китайской публицистике первой половины XX в.

В 1853 году американский артиллерийский огонь открыл двери Японии, что заставило Японию отказаться от политики самоизоляции, которая длилась более двухсот лет. Изменилась история изучения Китая с династии Тан, Япония начала изучать экономику, политику и культуру более продвинутой Западной Европы и Америки. Япония быстро развивалась по сравнению с Китаем, завершив историю зависимой страны.

По завершению политики самоизоляции, Япония начала проводить реформы, учась у Западных стран, постепенно превращаясь в империалистическую страну, Япония открыла войну против Китая в 1894 году. Началась агрес-

¹³Чэн Банхэ. Вэньхуалейсин, гэчжиюйшэхуйфачжань. ЧжунЖивэньхуабшзяочутань // Шэхуйкэсюе. – С. 47.

сивная война против Китая. Поражение Китая подтолкнуло к принятию решения учиться у Запада и началось знаменитое Движение Вестернизации. Династия правительства Цин начала рушиться.

В 1900 году Союзные силы Восьми держав вторглись в Китай, Япония также участвовала в нем и получила огромные выгоды. В ходе вторжения Япония обнаружила, что Китай больше не является гегемоном истории, а слабость правительства Цин усилила агрессивные амбиции Японии. В течение этого периода политическое восприятие Китаем образа Японии представляло собой сложную ситуацию, традиционное мышление заставило китайскую политику полагать, что Япония по-прежнему является маленькой страной, опирающейся на Китай, но поражение в китайско-японской войне заставило правительство признать развитие Японии. Однако это также подтолкнуло Китай к новому восприятию Японии в политике, которая стала сильной после реформ и пыталась захватить Китай.

В 1912 году Цинская империя была разрушена и создана Китайская Республика. После революции 1911 года и движения за новую культуру "4 мая", с распространением марксизма в Китае, китайская нация начала пробуждаться, китайская политика все больше развивалась.¹⁴ Руководствуясь огромными интересами, в 1931 году Япония спровоцировала Мукдэнский Инцидент, вторглась в северо-восточный регион Китая и создала марионеточное маньчжурское правительство во имя последнего императора династии Цин. Пытаясь превратить Северо-Восточный Китай в японскую колонию, большое количество японцев иммигрировало на Северо-Восток, так, участие Японии сделало и без того сложную политическую ситуацию в Китае еще более хаотичной.

В 1937 году Япония создала инцидент в Лугоуцяо (инцидент 7 июля) и устроила жестокую резню в Нанкине. Инцидент 7 июля стал началом полномасштабной агрессивной войны Японии против Китая и отправной точкой для

¹⁴Учреждали Авторский объединенный союз в Китайской Республике // Ежедневная газета Миньцян. – 1912. №7. – С. 10.

китайской нации в проведении всеобъемлющего сопротивления. Этот инцидент вызвал волну антияпонских войн по всему Китаю.¹⁵ Возникновение Нанкинской резни привело китайско-японские отношения к точке замерзания.

Антияпонская политика в этот период была проблемой не только правительственной армии, но и общей целью всего китайского народа. В 1945 году Япония сдалась. Восемь лет сопротивления закончились. Что касается китайской политики, то восприятие Японии постоянно меняется, это изменение основано на том, кто сильнее, Китай или Япония. В ходе антияпонской войны Китай постоянно развивался и укреплялся. Победа в антияпонской войне является важным поворотным моментом в возрождении китайской нации от упадка, победа в антияпонской войне полностью изменила современную историю Китая. История доказывает, что китайский народ смог открыть новые пути для спасения нации в самый опасный момент «разрушения страны и нации». Жизнеспособность нации безгранична. Однако победа в антияпонской войне принесла Китаю не только это, но и более существенную выгоду, то есть, подметая многолетнюю суматоху и пессимизм китайского народа, вдохновила избавиться от унижения. Восстановилась самооценка и уверенность в себе. С тех пор ни одна империалистическая страна не осмеливалась рассматривать Китай как объект угнетения. Китайская нация начала контролировать свою судьбу. В этом смысле Война Сопротивления против Японии действительно является большим поворотным моментом для китайской нации от распада к возрождению.

Переосмысление исторической неизбежности конфликта 7 июля представлено в статье ЦзанЮньху. Согласно его точке зрения, первым документом был «План управления территорией оккупации Северного Китая 1936 года», принятый командованием посольства Китая 15 сентября 1936 года. 23-го командующий командиром ТаничироИчиро доложил министру японской армии

¹⁵Ци Юньчжэнь. Можно ли избежать китайско-японской войны? О преемственности «С 18 сентября по 7 июля». – Пекин : Жэньминьчубаньшэ. – 2007. – С. 3.

СакаэШоуичи, который предложил китайскую армию. Серия планов по оккупации Северного Китая и реализации управления. В декабре 1930 года Управление штаба Квантунской армии подготовило «Исследование по вопросу о правлении оккупированных маньчжурских районов» накануне инцидента 18 сентября. «План управления территорией оккупации Северного Китая 1936 года» также подтвердил заговор японского вторжения в Северный Китай накануне инцидента 7 июля план.

11 июля 1937 года правительство Японии изменило название инцидента 7 июля на «Инцидент в Северном Китае». Именно из-за этого плана, 13-го, четвертый класс штаба китайской армии в армии разработал второй документ, «План оккупации с инцидентом в Северном Китае». Оба документа иллюстрируют планирование японского вторжения в Северный Китай до и после инцидента 7 июля.

Третьим документом был «План гласности», разработанный китайским начальником штаба в армии на следующий день инцидента, в 3 часа ночи 8 июля. Он планирует принять меры, такие как похищение людей и домашний арест, такие как СунЧжэюань, ЦиньДечунь и ФэнЧжиан, после начала инцидента и быстро захватить мост Лугоу и город Ваньпин. В стратегии пропаганды необходимо подчеркнуть акцию японцев. Неизбежный характер инцидента и тот факт, что инцидент произошел не японским образом, является неожиданным неожиданным инцидентом. Однако о причинах, которые вызвали этот инцидент ЦзанЮньху не упоминает. Его статья – это своеобразная историческая сводка событий, но в ней мало анализа¹⁶.

ЦиЮньчжэнь в своей статье задумался над вопросом о том, можно ли избежать китайско-японской войны¹⁷. Он пишет, что после инцидента 18 сентября китайско-японские отношения длились шесть лет и не стали быстро переходить к полномасштабной войне.

¹⁶Цзан Юньху переосмысление исторической неизбежности инцидента 7 июля. Пекин : Китайское социальное издательство. – 2014г. –С.2-3

¹⁷Ци Юньчжэнь: можно ли избежать китайско-японской войны? - о преемственности «с 18 сентября по 7 июля» Пекин : Жэньминьчубаньшэ. – 2007г. – С. 3.

После того, как японская армия начала инцидент 18 сентября, они быстро вторглись в три северо-восточные провинции Китая, а под прикрытием 1920-х годов они быстро поддержали Кукольную Маньчжурию и впоследствии дипломатически признали ее.

Во время инцидента 18 сентября Япония начала экспансию в Северный Китай, запустив «Инцидент в Тяньцзине», обдумав политику Северного Китая и спланировав новую политику Китая, сосредоточенную на провинциях Рехе и Шаньдун.

Ежедневная газета Нанкина Тяньцзинь Ли Гуань¹⁸ представила свой вариант развития японско-китайского конфликта. Образ японцев на страницах этой газеты окрашен в черные тона. Они показаны как грабители и поработители, принесшие беду не только Северо-Востоку Китая, но и всей нации.

Журналисты Тяньцзиньской газеты пишут, что японское вторжение в Китай принесло глубокую катастрофу китайскому народу. Японские солдаты сожгли, ограбили и изнасиловали женщин на китайской земле. В то же время тысячи японских женщин также были вовлечены в эту войну. Они физически удовлетворяли физиологические потребности военных. С личной точки зрения, они также являются жертвами, и их безумно уничтожают солдаты на поле битвы.

Одна из статей этой газеты заканчивается словами: «Память не может быть вымыта и заработана в их жизни, но с объективной точки зрения их унижение усилило жестокость этой войны и разрушение человечества».

В 1938 году шанхайский критик Ху Ши указал в «Сравнительном исследовании движения за модернизацию Китая и Японии - культурные конфликты»¹⁹, что модернизация старого не лишена серьезных недостатков. Японские лидеры добились этого быстрого изменения на более ранней стадии, и самые дальновидные из них могли видеть и понимать только некоторые аспекты за-

¹⁸Ли Гуань Ежедневная газета Миньцян «Япония вторгается в Китай». Тяньцзинь : Жэньминьчубаньшэ. – 1956г. – С. 4.

¹⁹Ху Ши. Шанхай ежедневная газета «Сравнительное исследование китайско-японского движения за модернизацию». Шанхая. Жэньминьчубаньшэ. – 1948г. – С. 3.

падной цивилизации, искусственно используя воинствующую современную жесткую оболочку для защиты большого количества средневековых культур, в которых многие вещи примитивны, что указывает на глубокую опасность извержений вулканов.

Более подробную картину событий представил китайский журналист Ли Лин Нанкинской газете «Чжуньянжибо»²⁰ в 1937. По его мнению, в начале 20-го века Япония, как могущественная держава на подъеме Востока, боролась за борьбу держав за разделение Китая. Эта цифра монополизирует интересы Китая и исключает влияние Соединенного Королевства и Соединенных Штатов в Китае. В эпоху Танака Йошиити ввел новую «большую земельную политику», которая должна не только монополизировать интересы Китая, но также отделить Маньчжу и Монголию от Китая и аннексировать весь Китай, чтобы уничтожить китайскую нацию. В год начала инцидента на северо-востоке началось местное сопротивление китайской нации. Начало инцидента с «мостом Лугоу» ознаменовало начало массового вторжения Японии в Китай, а также о вхождении китайской нации в стадию всестороннего сопротивления.

Агрессия Японии серьезно угрожает выживанию Китая и тупику китайской нации в стране вымирания. Спасение нации в опасности становится неотступной обязанностью каждого китайца. В этой великой войне китайские дети проявили высокий дух патриотизма и героизма. Костер войны против японской агрессии зажег патриотический энтузиазм большинства литературных и художественных деятелей. В различных крупных и средних городах по всей стране возникли различные группы культурного спасения.

Сюй Сюэхуав ежедневной газете «Фу Сина»²¹ об инциденте «918». Согласно его мнению, Мао Дунь отметил, что «в нашем литературном мире было много литературных произведений, которые тихо появлялись в литературном мире после инцидента». «После этого, основываясь на группе изгнанных писа-

²⁰Ли Лин. Нанкинской газете Чжуньянжибо «мостом Лугоу». Нанкин. Издательство Народной Литературы. – 2000г. – С.1-2

²¹Сюй Сюэхуа. ежедневной газете Фу Сина «918». Шаньдун : Издательство Синьхуа. –1879г. – С. 4.

телей на северо-востоке, они создали Большое количество романов среднего возраста о северо-восточной депрессии отразили зверства японских захватчиков на северо-востоке и сцену страданий людей на северо-востоке. Например, «Ревущий СюйЦзятунь» Ай Вэя описывает атмосферу террора в городе во время правления Японии. Японская армия произвольно брала сигареты и грабила вино в уличных магазинах днем. Ночью они разбили жену города Ли Хуэйин «Ван Баошань», чтобы описать оккупацию Японии. Греховный путь иммигрантов и греховное поведение гегемонии канала «Поле жизни и смерти» СяоХуна описывает условия жизни в сельских районах близ Харбина после японского вторжения, а также сцены жизни и смерти людей, находящихся в рабстве: августовская деревня СяоЦзюня описывает Северо-восточную народную революционную армию в метеорите. В этом районе японская армия агрессоров сражалась изо всех сил, и это был рев крови и слез чужой земли. Национальная совесть была полна героическими криками. «Кавабата муширо», «Море Земли», описывает «седьмую яму» жестокости японских захватчиков, которые уничтожили саженцы и возделывали труд, и описал японскую армию, заставляющую беженцев копать на улицах и пропустить китайцев. Метод перевернутого преследования был похоронен заживо, что стало первым кульминационным моментом антивоенной литературы.

Все остальные периодические издания отметили этот конфликт, писали о вторжении японцев, но, в основном, их статьи – это лишь лаконичная фиксация событий. Так, Ту СинюньСаньюань в ежедневной газетаГуньсу пишет, что 18 сентября 1931 года произошел инцидент «18 сентября». Через ноль месяцев весь Северо-Восток оказался в руках японцев. В процессе вторжения на северо-восток японская армия горела и грабила и делала все. «После инцидента 18 сентября и до конца 1932 года известные китайские солдаты и мирные жители были убиты»²².

²²Ту СинюньСаньюань ежедневная газета Гуньсу «18 сентября - отправная точка антияпонской войны в Китае». Шанхай. Жэньминьчубаньшэ. – 1985г. –С. 3-5.

В Шанхае газета «Яньань» отмечала: «Жестокий день занимает три провинции на востоке, территория обесцвечена, недавно в Шанхае погибли умирающие и подожгли народы, разошлись мошенники, повсюду происходят отвратительные и жестокие действия в мире». «В огромном северо-восточном Китае японский флаг развевается на ветру. Люди сидят на корточках под железным копытом захватчиков»²³.

Таким образом, на страницах китайской периодики представлен широкий спектр статей, на основании которых мы можем увидеть, как китайский народ воспринял Японию и японцев в связи с политическими событиями. Несмотря на то, что в некоторых из них указана лишь историческая фиксация событий, все же большинство китайских авторов постарались отойти от такого лаконичного повествования и включить в свои работы подробности и детали, позволяющие представить японцев как жестоких захватчиков, оккупантов, ненавидимых китайскому народу. Позже в таком же ключе будут писать и о фашистах.

²³Лу Хай. Шанхай ежедневная газета «Японская агрессия принесла огромные бедствия в Китай». Яньаня. Издательство Яньань. – 1786г. – С.2-3

2 ОБРАЗ ВОСПРИЯТИЯ ЯПОНИИ И ЯПОНЦЕВ В КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ СЯО ЦЗЮНЯ «ДЕРЕВНЯ В АВГУСТЕ»)

2.1 Жизнь и творчество СяоЦзюня в историческом контексте, его роль в становлении китайской литературы новейшего времени

СяоЦзюнь (1907 – 1988) – писатель. Первоначальное имя ЛюХунлинь, литературный псевдоним Саньлан, Тяньцзюньи т.д. Родился в ЛяонинИсянь. В 1928 году он выдержал экзамен в Северо – восточную сухопутную армию Цзян утан в Шеньяна. В 1932 году он официально начал литературное творчество в Харбине и познакомился с СяоХун.

Зимой 1934 года он встретил Лу Синь в Шанхае, и Лу Синь лично поручил ему принять участие в работе по редактированию таких журналов, как «Хайянь» и «Писатель». В 1935 году опубликовал повесть «Деревня в августе». Эта книга является проявлением агрессии народа Северо-Восточного Китая против Японии. Эта книга была издана СяоЦзюнем и Лу Синем за свой счет, Чжоу Ян (1980-1989 китайский литературный критик, литературовед, публицист, переводчик.) и Ху Цяому (1912–1992 был революционером, социологом, марксистским философом и знаменитым политиком Китайской Народной Республики) дали высокую оценку книге. Лу Синь не только написал введение для этой книги, но и раскритиковал молодого левого писателя Чжан-Чуньцяо.

С 1936 по 1955 гг. СяоЦзюнь пишет роман «Эпоха прошлого». В 1937 году вспыхнула антияпонская война. СяоЦзюнь активно участвовал в антияпонской военной работе. В 1938 году он отправился в Яньань, потом работал в Северо-западном фронтовом отряде. В июне 1940 г. СяоЦзюнь во второй раз приехал в Яньань, и работал в Институте ЛуСиня, работал до конца зимы 1945 г. В 1946 г. СяоЦзюнь вернулся в Харбин. Он возглавил Северо-Восточный университет

им. Лу Синя – литературно-художественный институт. В это же время работал главным редактором «Культурной газеты».

После 1949 г. СяоЦзюнь работал научным сотрудником в Пекинском институте культуры и научным сотрудником китайского национального театра. Издаёт повести: «Деревня в августе», «Третье поколение» и др.

Повесть «Деревня в августе» стала легендой литературы о войне с Японией. Повесть переведена на русский язык в 1938 г. «Деревня в августе» занимает очень важное место в истории современной китайской литературы. Поэтому СяоЦзюня называют «одним из лучших писателей, появившихся в Китае со времен Движения за новую культуру в 1917 году»²⁴.

В период оккупации Северо-Восточного Китая писатель СяоЦзюнь находился на пике своего творчества. Критическое положение на Родине не только составляет объективные условия литературного творчества писателя, но и считается сюжетами и духовным источником его произведений. По мере оккупировали большую часть северо-восточных территорий Китая, СяоЦзюнь был вынужден покинуть родные края. Писатель родился и вырос на северо-востоке Китая. Именно то, что на этих территориях придает писателю смелый и открытый, настойчивый и прямой характер. И его творчество является отражением Северо-Восточного Духа в современных литературных кругах Китая. Северо-Восточный Китай, удивительная и прекрасная земля, дает творчеству СяоЦзюня жизненную силу. А крещение невзгодами, переживших современным северо-востоком Китая, помогает ему достигать нового уровня в своей литературной карьере²⁵.

Благодаря повести «Деревня в августе» (1935) СяоЦзюнь стал известным в Китае писателем в 1930 годах²⁶. Его художественное творчество проистекло из своего глубокого опыта сельской жизни в Северо-Восточном Китае. Он имел

²⁴ Сяо Цзюнь. Биография [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zh.wikipedia.org/wiki/%E8%90%A7%E5%86%9B> (дата обращения)

²⁵ Чжан Живэй. «Анализ художественного стиля произведений СяоЦзюня». магистерская диссертация Северо-западного педагогического университета. Ланьчжоу. Мая 2013г. С32-35

²⁶ Сяо Цзюнь и «Деревня в августе» Фуцзяньский педагогический университет. ЧжэнЮйгуан. Хэбэйская научная библиотека. 1995-4.

духовную связь с самыми простыми и бедными здешними трудящимися. Испытывая страдания северо-восточного народа под агрессией японских войск, писатель во время повествования горестей в трудные времена раскрыл духовную жизнь маленьких людей. В произведениях СяоЦзюня также выражаются его сочувствие к соотечественникам и порицание агрессии. Как настоящий северо-восточный мужчина писатель имеет железную и негибкую волю, независимый и безудержный характер, вместе с солдатской стойкостью и интеллигентной тщательностью.

СяоЦзюнь, когда-то выступавший в нестабильной ситуации, предложил организовать Северо-Восточную антияпонскую добровольческую армию. Однако, ситуация резко изменилась. Он был вынужден переехать в район к югу и востоку от Великой китайской стены и взяться за перо, чтобы разоблачить бесчинство японских захватчиков и воспеть непреклонный боевой дух китайцев. На фоне оккупации своей родины северо-восточный народ, образуя антияпонские партизанские отряды, на обширных землях развернули борьбу с марионеточными войсками и изменниками. а также общими усилиями разрешили различные противоречия в своих отрядах, что показало героизм северо-восточного народа во время защиты своей Родины и борьбы за свободу и освобождение нации.

В повести «Деревня в августе» рассказывается о том, что северо-восточный антияпонский отряд — девятый отряд китайской народно-революционной армии в критические времена развертывает бурное революционное движение сопротивления японцам и спасения родины, а также растет во время войны. Произведение представляет собой обширную историческую картину спасения северо-восточным народом Родины от порабощения²⁷.

2.2 Образ восприятия как литературоведческая категория

Понятие «образ» является одним из ключевых в трудах философов, искусствоведов, психологов, филологов, поскольку эти области знания исследуют особенности человеческого познания, при котором воспринимающее сознание

²⁷МаТичжун .Сяо Цзюня и его произведение «Деревня в августе». Пекин : Пекинское издательство. – 2001г. – С14-16

отражает образы окружающего мира²⁸.

Образ восприятия – это термин, взятый из имагологии. Имагология – это междисциплинарная область знания, которая изучает рецепцию и репрезентацию своего мира или мира других.

В понятийном аппарате имагологии понятие «образ восприятия» имеет и широкое, обобщающее значение, и более узкое и конкретное, в качестве одного из инструментов (или «механизмов») рецепции и репрезентации других/чужих. Разновидности имагологического образа – стереотип, имидж и др.

Истоки имагологии столь же древние, сколь и история, которая начинается с культуроразличия, по принципу мы/они, свой/другой/чужой, с взаимовидения, установления образа «другого» как условия диалога, взаимознакомления (и, соответственно, взаимодействия) древнейших родоплеменных образований. Иными словами, имагология как дисциплина является разновидностью культурнообщественного сознания, особой и коренной формой миропознания, т. е. специфическим и базовым видом культуротворчества.

Главная черта имагологии на всех этапах развития – это универсальность и постоянная «зеркальная» обращенность к реальности, к культуре. Можно было бы сказать: каковы реальность, культура, такова и имагология. Это вечный инструмент создания и репрезентации других/чужих, вечный, поскольку вечны, переходя из одного состояния в другое, коллективные формы имагологического культуротворчества. Источником формирования образов-стереотипов являются и крестьянская, и городская среда, различные виды городской культуры, вообще словесность в широком смысле слова, и, конечно, сословные и государственные слои общества²⁹.

²⁸Сенина Е.В. «образы взаимного восприятия русских и китайцев в русской и китайской литературе и публицистике первой половины XX в.» – С. 21.

²⁹Земсков В.Б. Образ России в современном мире и другие сюжеты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – №10 – С. 26-29.

2.3 Сюжет и композиция повести как выражение авторской концепции

Повесть «Деревня в августе» литературоведы ставят в один ряд с произведениями советского соцреализма, в которых изображены образы революционных масс и которые отражали стремление писателей показать массовый характер революции в России и на родине – освободительной войны в Китае и передать единство сил революционного народа. Этот факт неоднократно отмечен литературоведами.

Являясь отражением момента появления нового мира, неся на себе печать переходности времени, образы народных стихийных масс вызывали у современников библейские, мистериальные ассоциации. Они всегда наделены чертами живого организма: армия, людской поток, городок, деревенька. При этом единый человек поглощается массовым целым, внеличностная воля массы определяет отдельную жизнь. Масса обладает классовым инстинктом, лежащим в основе ее психологии, в целом ее превращают единоподчиненное движение, общие устремления. Масса – динамичный образ эпического размаха, ее появление свидетельствует об общенародном характере изображаемого действия.

Например, движущаяся колонна в романе Серафимовича «Железный поток» – это тяжелый, не замирающий ни на минуту гул, бесконечный человеческий поток, в котором бьется одно нечеловечески огромное сердце. Колонна ползет по дороге, петляющей над морем, и враг воспринимает ее как ползущего по побережью ядовитого гада, у которого надо отсечь голову. В отчаянном штурмовом порыве колонна неустойчива, она несет смерть, слепа в своей жестокости. Но время от времени писатель смотрит на этот безликий железный поток сквозь иную грань своего магического кристалла, и мы видим отдельных людей, в зное и пыли идущих по дороге, вечером замертво засыпающих в обозе, теряющих в этом переходе детей. Самый запоминающийся среди них – командир Кожух с крепко сжатыми челюстями, колкими глазами острого блеска, которые потом оказываются голубыми и ласковыми. Это герой массы – наиболее яркий представитель эпического единства, исключительный, не равный ка-

ждому, включаемому в массу. Образ предельно функционален: в нем отмечены лишь черты, необходимые лидеру. Особо подчеркивается сила, волевой напор, способность подавлять человеческие слабости. Такой герой ближе всего к новому человеку в горьковской трактовке. Мелькают в этом человеческом водовороте и другие лица, узнаваемые читателем, но они эпизодичны, обрисованы несколькими штрихами.

Советская литература 20-х годов приняла на веру идею о том, что новые исторические явления должны вызвать к жизни и «нового героя», которому была предложена модель поведения в предполагаемых обстоятельствах. Мифология «новый человек» не обрела нового содержания, выродившись в идеологему – набор нормативных качеств. Человеческая органика была заменена проективной моделью, требующей прямого следования, копирования. Онтологически значимая задача пересоздания человеческой природы в ее основах была заменена жизнью «по образцам»³⁰.

Герои романа СяоЦзюня идут трудным походом, в котором им встречаются все проявления жизни – любовь, тяжелая работа, смерть, сомнения, прозрение. У вооруженных людей возникают своеобразные отношения с местными жителями. Крестьяне опасаются за свою жизнь и добро. Бойцам нужна еда, столь же необходимая крестьянам. У СяоЦзюня они плохо разбираются в том, кто входит в их селение: японцы, солдаты Маньчжоу-го, партизаны или разбойники. Они привычно боятся каждого человека с ружьем. Их опыт говорит о том, что грабить будут все.

Повесть «Деревня в августе» отличается от типичной военной повести, которая обычно фокусируется только на определенных сражениях. Сяо Цзюнь не останавливается только лишь на изображении исторических событий. Хотя такое событие в повести есть – это оборона и отступление, а затем и победа партизан (девятого отряда Народной революционной армии). Автор натуралистически показывает несколько эпизодов борьбы с японцами, при этом не

³⁰Желуховцев А.Н. Из истории ознакомления китайской общественности с советской литературой (20-40-е годы)// Китайская культура 20-40-х годов и современность. – 2016. – С. 235.

скрывая никаких деталей. Сяо Цзюнь очень точно показал процесс пробуждения и сопротивления китайской нации перед лицом жестокости захватчика. Например, в одном из эпизодов он в натуралистических радициях показывает читателю зверства яонцев – последствия их вторжения в Китай:

«Ван Цзябаоцзы превратился в руины. ... соломенная трава летит повсюду, крыша имеет нерегулярное освещение в крыше, и солнце может выступать из такой дыры и сиять на мертвом теле под кандалы. Голова ребенка закатилась во внутренний двор. ... собака, которая не умерла, хвост свисает и бежит вдоль стены. Ищу тело ребенка или взрослого. ... женщинам отрезали свои соски, их штаны рассыпали, а кровь с нижнего пляжа испарилась от солнца, почерневшего»³¹.

В описании всех таких сцен автор изображает сильный гнев китайского народа. В партизанах, описанных в повести, от командира и капитана до обычных воинов, большинство из них в разной степени пострадали от преследований японских захватчиков, поэтому они горят жаждой битвы с врагом³².

Сяо Цзюй в повести подробно передает описание ожесточенной борьбы партизан, либо показывает зверства и безумие захватчиков. Так, в повести японец Мацубара Таро является смесью верности Императору. Сяо цзюй натуралистически показывает всю жестокость поступков Мацубара Таро. Он жестоко убивает маленького ребенка Ли Цю, насилует его мать. После этого, бросая ее уходит, и перед читателем разворачивается страшная картина: несчастная мать, наполовину прислоненная к толстой березе, держит ребенка с расколотым мозгом, а к кровавому рту ребенка тянет свою грудь. Но несчастная женщина горит такой жаждой гнева, что она встает из лужи крови своего сына, берет винтовку, брошенную Тан Лаоцзяо, чтобы преследовать партизан и отомстить за себя и свое дитя³³.

³¹Сяо Цзюй. «Деревня в августе». Шанхай : Издательство Народной Литературы. – 1935. – С. 47-48.

³²Ли Мин. Анализ художественного стиля произведений Сяо Цзюня . Шанхай : (магистерская диссертация Северо-западного педагогического университета). – 2014г. – С. 45.

³³Ван Цюхань. Изучение художественного стиля произведений Сяо Цзюня. Шанхай : (Журнал Цзинь чжоуского педагогического университета). – 1982 г. – С.2-3.

В повести «Деревня в августе» описывается процесс просвещения отца Сунь Син и сына. Старик Сунь Син изначально был человеком, чье классовое сознание и национальное сознание не были пробуждены. Он считает, что, пока в мире все спокойно, не нужно создавать армию. Поэтому, когда он узнает, что революционная армия захватила высокие ворота, он вступил в сговор с противником. Хозяин неоднократно хотел подавить эту катастрофу, и сам «стал хорошим и добрым человеком». Его сын, Лысый, получил указание уничтожить газету. В результате Сунь Лаохан чуть не погиб. Процесс пробуждения в Сунь Лаохане чувства национальной неприязни к японцам занимает важное место в повести: старик решает поддержать своих сыновей для участия в анти-японских восстаниях. Автор использует психологизм для описания душевного состояния Сунь Сина и его сыновей не для того, чтобы разоблачить невежество и отсталость китайских крестьян, а для того, чтобы пробудить национального самосознания китайского народа. «Деревня в августе» показывает не только политические процессы, но и отражает социально-культурные процессы, быт и нравы жителей Китая³⁴.

Помимо описания борьбы между партизанами и японской марионеточной армией «Деревня в августе» также показала преобразование самой революционной команды. В этой части романа автор описывает «настоящее и будущее» Китая, «мертвый путь и путь к жизни». Тан Лаоцзяо участвовал в антияпонских рядах с молодым крестьянином и проявил смелость духа. Однако ему все еще не хватает глубокого понимания борьбы за выживание нации. Он быстро заряжается гневом, но его чувства не так сильны, потому что гнев в его душе соперничает с неуверенностью в своих поступках и даже трусостью. и способность выражать себя. Он застрелил вражеского детектива. Однако, постоянно сомневаясь в себе Тан Лаоцзяо неоднократно пытается покинуть армию, заявляя, что он не был «революционером», «был разбит японскими солдатами шты-

³⁴Чжан южу. Анализ художественного стиля произведений Сяо Цзюня. Шанхай : (магистерская диссертация Северо-западного педагогического университета). – 2013г. – С.54-55.

ком» или что его захватили партизаны. Подобные мысли и поведение ТанЛаоцзя стали причиной гибели войск, и он сам погиб под пулями противника³⁵.

Образ персонажа ТанЛаоцзя, изображенный в «Деревня в августе», типичен. Во второй части половине повести его характер повторится в образах таких героев, как Сун Да, ТяньЛао Ба и других фигур. Сун Да, например, также ненавидит японцев. Но больше всего он хочет жениться, поэтому смело заявляет, что если революционная армия не сможет дать ему жену, он нее пойдет на войну. Тянь Лао Ба, с точки зрения национального самосознания, более яркий и сильный, чем Тан Лаоцзя. Но это старик, который не может избавиться от забот своей жены и детей, он переживает за семью и не может ее покинуть. Через персонажей Тан Лаоцзя, Сун Да, ТяньЛао Ба Сяо Цзюй подводит итог не только началу 30-х годов, но и постепенному пробуждению классового сознания и национального сознания крестьян.

Подлинным выражением внутренних противоречий революционной борьбы является вторая часть повести: автор описывает персонажа Сяо Мина и историю его любви с Анной. Сяо Мин – один из капитанов партизанского отряда. В начале своей работы он руководил семью партизанами, которые только что отделились от марионеточной армии и пошли в отряд. Кроме того, деятельность Сяо Мина не заметили японцы. Как интеллеktуал, которому не хватает практической борьбы, Сяо Мин неизбежно должен выявлять свои слабости в борьбе. Например, когда партизаны ворвались в дом вражеского хозяина Ван Саньцзя, Сяо Мин неоднократно спрашивал себя: «Когда я могу избежать убийства?» Он захватил дом, и Чэнь Чжу приказал убить хозяина. Сяо Мин спрашивает себя: «Нужно ли стрелять в них?» Эти описания показали слабость Сяо Мина в революционной борьбе. Сяо Мин знает, что он далек от настоящего революционера. Более того, он также «сам разговаривает со службой поддержки» тысячу раз. Но он не выполняет свои собственные клятвы. Он не знал, как

³⁵Ван Си. Анализ пространственного повествования в повести Сяо Цзюня «Деревня в августе». Шанхай: (магистерская диссертация Северно-западного педагогического университета). – 2016г. – С.23.

«преодолеть себя» и сделать себя сильным. Когда он влюбляется в Анну, он отчаянно ищет источник силы от любви. Чтобы помочь ему, командир Чэнь Чжу заявляет, что отныне «любовь – это ущерб революции». Чэнь Чжу посоветовал ему и Анне временно расстаться в надежде, что они «не поколеблют веру в любовь, ослабят волю». Сяо Мин говорит, что он может игнорировать все, но любовь не может быть побеждена. Как и Сяо Мин, Анна также попала в ловушку нежной любви. Когда Чэнь Чжу посоветовал ей временно расстаться, она сразу заявляет: «Она может (снимать) свою собственную любовь. Это своего рода гнев, своего рода сопротивление вентиляции. нужна свобода!

Персонажи в «Деревня в августе» очень выразительны, в них писатель отразил как черты китайского национального характера, так и общечеловеческие качества и пороки. Писатель фокусируется на широкой социальной основе войны за национальную революцию, поэтому в изображении положительных персонажей он не ограничивается образами партизанами. Вместо этого он отображает антияпонские настроения, содержащиеся в массах, показывает героизм китайского народа. Тем не менее, через образы командующего Чэнь Чжу, Сяо Цзюй показывает решающую роль партии в борьбе против Японии³⁶.

2.4 Образы восприятия Японии и японцев в повести «Деревня в августе» и способы их выражения

В книге «Деревня в августе» автор изображает северо-восточный анти-японский партизанский отряд, в то же время рассказывает о его упорной борьбе с вражескими силами на местах, а также о столкновениях между людьми, отображает разные черты характера, а также показывает развитие идеологических противоречия внутри китайских партизанских отрядов. В этой книге показывается жестокость войны, а также посредством психологизма автор раскрывает чувства китайцев: их неприязнь и ненависть к японцам, их смелость, но вместе с тем их страх перед японцами, порождающий трусость, ведь не все герои по-

³⁶Чжан Миньён. Анализ художественного стиля произведений Сяо Цзюня. Шанхай : (магистерская диссертация Северо-западного педагогического университета). – 2013г. – С. 33-34

вести отправились на войну, после того, как вооруженные силы Японии ворвались в Китай.

Можно выделить несколько аспектов, касающихся восприятия Японией и японца в Китае:

«Это умный ребёнок! Я пришел сюда год назад, а теперь он ещё меня знает! Мы с его папой друзья, он верный человек..... Мы наступали на гору Байши. Он умер! Жестокая смерть! Японские солдаты убили его штыками – теперь ты спроси этого ребёнка, и он тебе скажет, как умерли его отец и мать³⁷.»

Сяо Мин говорит о том, что его отец – партизан, хотя они живут в горном лесу, они молодые и крепкие мужчины принимают участие в антияпонской войне. Весь северо-восточный район, захваченный японскими агрессорами, это обычные крестьяне, которые участвуют в борьбе за революцию, но и они жестоко убиты штыками японских солдат. Вот, например, диалог двух крестьян, идущих в партизанский отряд, с мальчиком, родители которого были убиты японцами:

«- Как умер твой папа?»

-Убит штыками японских солдат! –Дитя совершенно ясно произносит.

-А мама?»

-Тожже японскими солдатами.

-Ты боишься, или не боишься японских солдат?³⁸»

В этих простых словах писатель показывает ужас и страх несчастного мальчика, оставшегося без родителей, Но он так уверенно говорит, что не боится, потому что ненависть и жажда возмездия утоляют страх маленького ребёнка. Даже в такой маленькой душе уже живет глубокая ненависть к японцам. Образ этого ребенка отражает настроения всего китайского народа: зверства Японии на китайской земле глубоко укоренили в душе каждого китайца ненависть,

³⁷Сяо Цзюня. «Деревня в августе». Шанхай : Издательство Народной Литературы. – 1935г. – С.47-48

³⁸ Сяо Цзюня. «Деревня в августе». Шанхай : Издательство Народной Литературы. – 1935г. – С58-59.

стремление изгнать японских агрессоров из Китая, но вместе с тем и надежду на прекрасную жизнь. Образ Японии в сознании китайцев стал воплощением дьявола, незабываемого врагом, захватчика Родины, бессмысленно убивающего людей, разрушающего землю и дом³⁹.

«Старик в это время успокоился. Он знал, что это не официальная армия; И для того, чтобы ребёнок радовался и проливать слёзы, и забыл проклятие, и рис банка половины, и он смело спросил:

Ну, вы, конечно, не официальная армия! Вы добровольцы против японского солдата? Сын мой, он доброволец.....Но умер.....Этот ребёнок.....Вырастаю, я ему тоже позволю отомстить за его маму и папу, и убить всех японских солдат! Я постарел, а то ведь бедный, это смерть! Японцы цеплялись за население, и если ты молод, то только бы умереть. Японские солдаты часто проходят !

Они меня постоянно пугают и штыками вытирают на моей голове!—”

Старик взволновался, как молодой человек. Он сказал Сяо Мин:

«.....Ты часто у нас в это время прошлого года? В то время, сын мой, невестка, ещё живые, и вот, я сегодня слушаю твою речь, и точно знаю ! ”

Сяо Мин испытывал чувство горечи и смотрел на бедную радость старика!

«Уважаемые, мы не добровольцы, но мы тоже бьем японских солдат».

«Вы не добровольцы?»

Глаза у старика тускнели...»

В те годы войны, когда никто не спасался бегством, сытость была роскошью. Люди бесцельно бродили по деревням в поиске еды. Даже небольшая миска риса приравнивалась к спасению одной жизни, особенно для дедушки и внука. В повести есть эпизод, когда в фанзу старика приходят партизаны. Старик с болью смотрит, как они съедают последние запасы риса, которые оста-

³⁹Чэн Жэньчжан. китайско-японская война в Северо-восточное народе – критик Сяо Цзюня «Деревня в августе». Хэйлунцзян : Социальное издательство. – 2012г. – С. 28-32

лись у них с внуком. Но когда он вспоминает, что это добровольцы, он смело заявляет, чтобы они съели весь рис и забрали своего внука на поле боя, так как ни одной жизни не жаль для борьбы с японцами. Поведение, персонажей, их речь, непосредственно говорят нам о том, как ненавистны японцы для китайцев, что китайцы были готовы отдать последнее лишь бы избавить свою родину от врагов⁴⁰.

⁴⁰Чжан южу. Анализ художественного стиля произведений Сяо Цзюня. (магистерская диссертация Северо-западного педагогического университета). –2013г. – С. 54. 55.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, история длительных взаимоотношений между Китаем и Японией, история их конфронтации и сотрудничества оказала свое влияние на формирование образа Японии и японцев в художественной литературе XX в. Ключевым моментом, способствующим созданию образа ненавистных китайцам японцев, стала оккупация японцами Северо-восточного Китая в 1930-1940 гг. Существенную роль в его формировании играли китайско-японская культурно-расовая общность, динамичный прогресс Японии и постепенное расширение масштабов японского политического и военного давления на Китай.

Оказало влияния и существенная разность этих двух культур. Китай в силу своеобразия своей культуры, построенной на господстве закостенелой конфуцианской догмы и консервативного аграрного строя, с огромным трудом воспринимал элементы западной культуры, в особенности связанные с капиталистическими идеями. Япония, пройдя «подготовительную школу коммерции», органично впитала влияние Запада, не потеряв ни на йоту своей самобытности.

Основной акцент в повести СяоЦзюня «Деревня в августе» сделан на изображении китайского народа, ведущего освободительную войну. Народ показан как единый поток, как единая негибкая масса. Такое изображение народа близко к советской соцреалистической литературе. Образы массы, множества, вихря, огнедышащей лавы восходили к эпическому восприятию мира, неким начальным его состояниям.

Писатель изображает не только военные сцены, но и бытовые, сцены частной жизни китайских партизанских отрядов. Через сюжет, через язык повести СяоЦзюня показывает хитрость, жестокость японских захватчиков. Чтобы передать антияпонские настроения, которыми был охвачен китайский народ, писатель не ограничивается только изображением одних партизан, он показывает весь поработанный китайских народ во время войны с Японией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Владимирова, Д.А. Япония и Китай: межкультурный диалог / Д. А. Владимирова // Ценности и смыслы. – 2017. – №2. – С. 78-88.
- 2 Голев, М.А. Развитие отношений Японии и Китая во второй половине XX в. / М. А. Голев, И.В.Катин, Е.В. Машинина // Научное сообщество студентов: междисциплинарные исследования : сб. ст. по мат. XXXIV междунар. студ. науч.-практ. конф. № 23(34) // URL: [https://sibac.info/archive/meghdis/23\(34\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/23(34).pdf) (дата обращения: 17.06.2019).
- 3 Желоховцев, А.Н. Из истории ознакомления китайской общественности с советской литературой (20-40-е годы) / А. Н. Желоховцев// Китайская культура 20-40-х годов и современность. М. : Наука, 1993 – С.235 – 265.
- 4 Земсков, В.Б. Образ России в современном мире и другие сюжеты / В. Б. Земсков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. –2018. –№10. – С. 26-29.
- 5 Сенина, Е. В. Образы взаимного восприятия русских и китайцев в русской и китайской литературе и публицистике первой половины XX в. / Е. В. Сенина :дисс.... к. филол. н. : 10.01.01 – М. : РУДН, 2018. – С. 21.
- 6 Карасин, Г. Б. Взгляд двуглавого орла и на Запад, и на Восток / Г. Б. Карасин // Российские вести. – 1996. – 19 декабря. – С. 7.
- 7 Кузнецов Ю. Д. История Японии / Ю. Д. Кузнецов, Г. Б. Навлицкая. – М. : Высшая школа. – 2016. – С. 423.
- 8 Мэн Чао Антияпонская война Лугоуцяо / Мэн Чао // Ежедневная газета Чанчжоу. – 1937. – №5. – С. 7-8.
- 9 Ли Гуан Япония сегодня / Ли Гуан // Ежедневная газета «Миңьцян». – 1956. – С. 4.
- 10 Ли Лин. Нанкинская газета «Чжуньянжибо» / Ли Лин. – Нанкин : Издательство Народной Литературы. – 2000. – С.1-2.

- 11 Лу Хай. Ежедневная газета Яньаня «Японская агрессия принесла огромные бедствия в Китай». – Шанхай : Издательство Яньань. – 1986. – С.2-3.
- 12 Лукин, А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII—XXI веках / А. В. Лукин. – М. : Восток-Запад : АСТ, 2007. – 598 с.
- 13 МаТичжун. СяоЦзюнь и его произведение «Деревня в августе» / МаТичжун. – Пекин : Пекинское издательство, 2001. – С. 14-16.
- 14 Молодяков, В. Э. Моделирование образа Японии / В. Э. Молодяков // Япония : переворачивая страницу. – М. : Восточная литература, 1998.– 402 с.
- 15 Рогачев, И. А. Россия–Китай: принципы и параметры партнерства / И. А. Рогачев // Проблемы Дальнего Востока. – 1997. – № 3. – С. 17.
- 16 Сяо Цзюнь. Деревня в августе / Сяо Цзюнь. – Шанхай : Издательство Народной Литературы, 1935. – 286 с.
- 17 Сюй Сюэхуа. Ежедневная газета «Фу Сина» / Сюй Сюэхуа. – Шаньдун : Издательство Синьхуа, 1879. – С. 4.
- 18 Ту Синюнь. Саньюань ежедневная «Сравнительное исследование китайско-японского движения за модернизацию». – Шанхай : Жэньминьчубаньшэ. – 1885. – С. 3-5.
- 19 Цзан Юньху. Переосмысление исторической неизбежности инцидента 7 июля. – Пекин : Китайское социальное издательство. – 2014. – С. 2-3.
- 20 Ху Ши. Шанхай Ежедневная газета Шанхая / Ху Ши. Шанхай : Жэньминьчубаньшэ, 1948. – С. 3.
- 21 Ци Юньчжэнь. Можно ли избежать китайско-японской войны? О преемственности «С 18 сентября по 7 июля». – Пекин : Жэньминьчубаньшэ. – 2007. – С. 3.
- 22 Цехмистеренко, С. Двуглавый орел открыл глаза на Восток / С. Цехмистеренко// Деловые люди. – 1997. – № 73. – С. 17.
- 23 Чэн Жэньчжан. Китайско-японская война в Северо-восточном Китае. – Хэйлунцзян : Социальное издательство. – 2012. – С. 28-32.
- 24 Ли Гуан. Ежедневная газета Миньцян «Япония вторгается в Китай». Тяньцзинь : Жэньминь чубаньшэ. –1956г. – С. 4.

25 Ху Ши. Шанхай ежедневная газета «Сравнительное исследование китайско-японского движения за модернизацию» . –Шанхая : Жэньминь чубаньшэ. – 1948г. – С. 3.

26 Ли Лин. Нанкинской газете Чжуньян жибо мостом Лугоу . –Нанкин : Издательство Народной Литературы. – 2000г. – С. 1-2.

27 Сюй Сюэхуа. ежедневной газете Фу Сина «918». –Шаньдун : Издательство Синьхуа. – 1879г. – С. 4.

28 Ту Синюнь. Саньюань ежедневная газета Гуньсу «18 сентября - отправная точка антияпонской войны в Китае». – Шанхай : Жэньминь чубаньшэ. – 1885г. – С. 3-5.

29 Лу Хай. Шанхай ежедневная газета «Японская агрессия принесла огромные бедствия в Китай». – Яньаня : Издательство Яньань. – 1786г. –С. 2-3.

30 Чжан Живэй. Анализ художественного стиля произведений Сяо Цзюня. Магистерская диссертация Северно-западного педагогического университета. – Ланьчжоу : Жэньминь чубаньшэ. – 2013г. – С.32-35.

31 Чжэн Юйгуан. Сяо Цзюнь и «Деревня в августе». Фуцзяньский педагогический университет. – Хэбэйская : научная библиотека. – 1995. – С. 4.

32 Ма Тичжун. Сяо Цзюня и его произведение «Деревня в августе». – Пекин : Пекинское издательство. – 2001г. – С. 14-16.

33 Сенина, Е.В. Образы взаимного восприятия русских и китайцев в русской и китайской литературе и публицистике первой половины XX в. – С. 21.

34 Земсков, В.Б. Образ России в современном мире и другие сюжеты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – С. 26-29.

35 Желуховцев, А.Н. Из истории ознакомления китайской общественности с советской литературой (20-40-е годы)// Китайская культура 20-40-х годов и современность. – 2016. – С. 235.

36 Сяо Цзюй. Деревня в августе. –Шанхай : Издательство Народной Литературы.– 1935.– С. 47-48.

37 Ли Мин. Анализ художественного стиля произведений Сяо Цзюня (магистерская диссертация Северно-западного педагогического университета). – 2016. – С. 45.

38 Ван Цюхань. Изучение художественного стиля произведений Сяо Цзюня. (Журнал Цзиньчжоуского педагогического университета). – 1982г. – С. 2-3.

39 Ван Си. Анализ пространственного повествования в повести Сяо Цзюня «Деревня в августе» . – 2016г . – С. 23.

40 Чжан южу. Анализ художественного стиля произведений Сяо Цзюня. (магистерская диссертация Северно-западного педагогического университета). – 2013г. – С. 54. 55.